

**КОСКЕЛЛО
АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА**

главный редактор интернет-проекта
«Черное и белое»

«ОСТРОВ, ГДЕ ВСЕ У НАС ЕСТЬ» (ОБ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РПЦ)

Наличие в РПЦ своих «либералов» и «консерваторов» — это своего рода «общее место» для публицистики и социологии. Однако адекватно описать идейное поле современного православия исключительно в терминах «либерализма» и «консерватизма» невозможно. Религиозное пространство отличается от политического, и политологические схемы хотя и присутствуют в нем, но в заметно измененном виде. Реальная церковно-общественная жизнь не исчерпывается либерально-консервативной матрицей и во многом ей противоречит.

Что касается политики, то формально Церковь не требует от верующих определенных общественно-политических взглядов. Периодически между православными разных идеологических «флангов» возникают конфликтные ситуации, звучат взаимные обвинения в «неправославности» / «несоответствии духу Евангелия». В 1994 году, на фоне острых политических баталий, Архиерейский Собор РПЦ вынес специальное суждение о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин». Это положение было закреплено в Социальной концепции РПЦ, изданной в 2000 году. Таким образом, учение Церкви остается политически и идеологически нейтральным.

В настоящее время священнослужителям РПЦ запрещено участвовать в деятельности политических партий и избираться в Государственную думу (исключение составляют самоуправляемые части Московского Патриархата, в частности Украинская Православная Церковь). Эта практика — относительно недавняя, она берет начало в 1993 году (до этого, в начале XX века, многие священнослужители были депутатами Государственной думы; общеизвестно также, что в поздне-

советском Совете народных депутатов заседали митрополит Алексей (Ридигер, будущий патриарх) и митрополит Питирим (Нечаев). Постановление о запрете на депутатскую деятельность для клириков РПЦ было принято Архиерейским собором на фоне трагических событий вокруг российского Белого дома, когда члены Церкви, включая священнослужителей, были по обе стороны баррикад. Первой жертвой этого постановления оказался известный правозащитник иерей Глеб Якунин (впоследствии он был лишен сана за несогласие сдать депутатский мандат).

Для мирян участие в политической деятельности не ограничено, при этом им запрещено выступать от имени Церкви. Согласно Социальной концепции РПЦ, «миряне, участвующие в государственной или политической деятельности индивидуально или в рамках различных организаций, делают это самостоятельно, не отождествляя свою политическую работу с позицией церковной Полноты или каких-либо канонических церковных учреждений и не выступая от их имени». Де-факто это означает запрет на создание православных политических партий и невозможность какого бы то ни было общественного движения называть себя представителем всех православных.

Так называемое политическое православие представлено на сегодняшний день несколькими субкультурами, статус которых маргинален даже в собственно церковной среде.

Во-первых, это православные монархисты. Течение, возникшее в тесной связи с культурой Русского Зарубежья, отличающееся радикальным неприятием всего советского и особым почитанием семьи последнего российского императора. В 1990-е годы оно было очень влиятельно, в настоящее время сильно ослабло. Самым ярким представителем течения был отлученный от Церкви бывший схимигумен Сергей (Николай Романов) из Екатеринбурга; типичные представители — московский священник Александр Шаргунов, петербургский священник Геннадий Беловолов, митрополит Екатеринбургский Евгений (Кульберг) и др.

Во-вторых, это православные сталинисты. Сами они себя называют православно-патриотическим движением, но, в отличие от монархистов, они симпатизируют советскому строю и положительно оценивают роль Сталина в истории страны и РПЦ. Это наследники позднесоветских националистов; особое духовное значение для них имеет победа СССР в Великой Отечественной войне, которую они связывают с «поворотом советского режима к православию». Из всех течений «политического православия» это — наиболее многочисленное; рупором его может считаться информагентство «Русская народная линия». Довольно близки к этому течению митрополит Псковский Тихон (Шевкунов), «православный оли-

гарх» Константин Малофеев и возглавляемые им телеканал «Царьград» и общество «Двуглавый орел».

В-третьих, это православные либералы. Течение было довольно сильно в 1990-е годы, центральное значение для него имели идеи прав человека и религиозной свободы. Движение радикально антисоветское, самой заметной фигурой был покойный иерей Глеб Якунин, после его отлучения от РПЦ движение постепенно сошло на нет. Сейчас в Москве есть малочисленная группа «православных либералов», среди них журналист Сергей Чапнин, филолог Андрей Десницкий, священник Алексей Уминский, однако их влияние на церковную жизнь не очень значительно.

Помимо общественно-политических разногласий в православной среде есть разногласия по вопросам собственно церковным: члены Церкви по-разному смотрят на церковную историю, на современную ситуацию в церковном управлении, на богослужебную традицию РПЦ. Условно можно говорить о «консервативной» и «либеральной» программах развития Церкви.

«Либеральная» программа в общем виде была порождена Поместным собором 1917—1918 годов (ее сторонники часто говорят о необходимости «вернуться к документам» этого собора). В основе ее — идея церковных реформ (выборность епископата, женское священство («служение диаконисс»), фиксированное членство в приходах, прозрачность финансовых потоков в Церкви, так называемое литургическое возрождение (возвращение древних чинов литургии, а также написание новых), русский язык (и вообще — национальные языки) в богослужении, активный диалог с представителями других конфессий).

«Консервативная» программа исторически возникла как реакция на «либеральную» и строится в основном на ее отрицании. Соответственно, тезисы ее неопределенные. Часть «консервативного» духовенства стоит на позиции простого сохранения в неизменном виде всех существующих практик церковной жизни (наиболее болезненным для них является вопрос церковно-славянского языка в богослужении). Существует также творческий консервативный проект, вдохновляемый митрополитом Тихоном (Шевкуновым) и преподавателями московской Сретенской семинарии. Он предполагает не просто сохранение церковно-славянского языка в богослужении, но масштабную реформу богослужебного строя, основанную на возвращении к так называемой дониконовской справе (отсюда такой пиетет «шевкуновцев» перед «дораскольной» Русью и старообрядчеством).

Расхождения между первым и вторым течениями усилились на фоне разрыва канонического общения между Московским и Константинопольским патриар-

хатами. «Либералы» трагически переживают разрыв с Константинополем, они в целом симпатизируют Вселенскому патриархату, видят в нем «культурное» и «человеческое» лицо православия, а патриарха Варфоломея считают неким антиподом патриарха Кирилла. «Консерваторы», напротив, считают разрыв с Константинополем своей победой и окончанием периода «экуменического безобразия» в РПЦ. Сам Варфоломей, по их мнению, — фигура крайне отрицательная, многие обвиняют его в ереси «восточного папизма», в потворстве мировому глобализму и в сотрудничестве с американскими спецслужбами.

Важно подчеркнуть: церковный «либерализм» и церковный «консерватизм» не коррелируют четко с той или иной политической платформой. Среди современных церковных деятелей есть те, кто является «либералом» в Церкви, но в политике — консерватором или традиционалистом (яркий пример — известный московский священник Георгий Кочетков, «либерал» в церковных вопросах, но охранитель и националист — в политических). С другой стороны, есть церковные «фундаменталисты», политические взгляды которых ближе к анархизму или анархо-синдикализму (такowymi являются многие последователи покойного священника Даниила Сысоева, называющие себя «уранополитами»). Многие «православные либералы» (включая прот. Алексея Уминского) в церковных вопросах довольно консервативны. Наконец, среди православных «либералов» и «консерваторов» много людей, в принципе аполитичных. Наиболее политизировано православное сообщество в столице, в то время как уже в Петербурге, а тем более в провинции, «политическое православие» встречается лишь эпизодически.

Ни «консервативное», ни «либеральное» течения в Церкви не являются жестко конституированными. Большинство членов Церкви не относят себя к тому или иному «лагерю». Большинство приходов, даже имеющих стойкую репутацию «либерального» и «консервативного», не заняты какой-либо церковно-общественной деятельностью и не вынашивают плана каких-либо реформ. В то же время «консервативный» и «либеральный» дискурсы четко присутствуют в церковной жизни на уровне языка. Фактически в современной РПЦ бытуют два «языка вражды». Первый («либеральный») включает в себя такие «ругательства», как «черносотенцы», «обскурантисты», «царебожники», «православные фашисты». Для очернения своих оппонентов они используют шуточные выражения — «богословие платка», «богословие ложки». Вторым языком («охранительный») пользуется, в свою очередь, другим набором словесных клише. Это, собственно, слово «либералы» — в качестве ругательного, а также слова «экуменисты», «неообновленцы» (в память об обновленческом расколе 1920-х годов), «меневцы» (по имени часто почитаемого «либералами» протоиерея Александра Меня), «филокатолики», «розовое православие», «православие лайт», «церковные навальнисты».

Предпочтение первого языка или второго — это, как правило, не вопрос интеллектуального и идейного выбора, а вопрос круга общения, социальных связей. В каком-то смысле различие языков «либеральной» и «консервативной» проповеди связано с социальными аспектами. Ядро «либеральной» церковной аудитории — это так называемый городской креативный класс, работники частного сектора, тогда как ядро «консервативной» — силовики, военные, чиновники, бюджетники. Соответственно, «либералы» больше симпатизируют идеям свободы и демократии, а «консерваторы» — как правило, патриоты и государственники.

Однако эта зависимость не абсолютная, и многое определяется психотипом самого человека. Так, «консервативный» стиль ближе тем верующим, которые концентрируются на идее Страшного суда и на образе Бога, карающего грешников. «Либеральный» язык выбирают те, кому ближе образ Господа милующего и всепрощающего. Неслучайно среди «либералов» так популярны фигуры протоиерея Александра Меня и митрополита Сурожского Антония (Блума). Этих церковных деятелей сложно назвать «реформаторами» и «демократами», но стиль их проповеди — благожелательный, интеллигентный — безусловно, импонирует тем, кто ищет «православия с человеческим лицом».

Священноначалие РПЦ традиционно не ассоциирует себя ни с «либералами», ни с «консерваторами», но балансирует между теми и другими с разной степенью успешности. Архиереи советского времени, жившие под контролем КПСС, предпочитали не играть роль идеологов. Из епископов, активных в 1990-е годы, более «либеральными» слыли Владимир (Котляров), Владимир (Сабодан), Кирилл (Гундяев; нынешний патриарх), более националистически настроенными — Питирим (Нечаев), Иоанн (Снычев). Последний долгое время считался покровителем черносотенного крыла РПЦ — впрочем, этот статус скорее надуманный (тексты, приписываемые Иоанну, в большинстве своем не написаны им самим).

Патриарх Алексей II в своей внутрицерковной политике лавировал между «либералами» и «правыми», поочередно назначая на высшие церковные должности более или менее «умеренных» представителей всех существующих течений. Параллельно все «радикалы» последовательно устранялись из церковно-общественного поля. Одним из результатов этого стал исход части православных интеллектуалов в «альтернативные» православные юрисдикции (в «альтернативное православие» ушли, в частности, «либералы» Глеб Якунин и Яков Кротов, «консерваторы» Анатолий (Валентин) Русанцов, Вадим (Григорий) Лурье и другие). Группа московского «либерального» священника Георгия Кочеткова хотя и осталась в РПЦ, но была подвергнута репрессиям со стороны центральной церковной власти (Кочеткова лишили храма, провели серию церковных конфе-

ренций с осуждением его «учения»; откровенная травля Кочеткова в православной прессе долгие годы была нормой).

Патриарх Кирилл, который, в отличие от Алексия, изначально претендовал на роль православного интеллектуала и имел репутацию «либерала» и «экумениста», оказался в еще более сложных отношениях с внутрицерковными группировками. Фактически с самого начала патриаршества он столкнулся как с недоверием, так и с откровенной критикой всех и вся.

Вплоть до 2015 года амбассадором Кирилла среди православных активистов выступал протоиерей Всеволод Чаплин. Он был председателем Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, заместителем председателя Всемирного русского народного собора и целенаправленно выстраивал баланс между «правыми» и «левыми» в РПЦ. Чаплин наладил контакты и с движением Кочеткова, и с различными группировками ультраправых. При отделе Чаплина был сформирован Совет православных общественных объединений, состав которого был чрезвычайно пестрым. Как шутили члены этого совета, их собрание напоминало песню любимого исполнителя отца Всеволода — Псоя Короленко «Остров, где все есть» («и локоны Эйнштейна, и тапки Витгенштейна»). Впрочем, еще до устранения прот. Всеволода из системы церковного управления данный подход показал свою неэффективность. Представители всех направлений быстро осознали, что их зовут лишь «для галочки» и церковная власть равнодушна к их мнениям.

После 2015 года патриарх практически оставил попытки выстроить баланс между «консерваторами» и «либералами» (что неизбежно привело к падению его авторитета и в Церкви, и в обществе, и во власти). Фактическая внутрицерковная политика патриарха скорее соответствует «либеральной» программе. Кирилл провел епархиальную реформу (так называемое разукрупнение епархий, призванное приблизить архиереев к собственной пастве), воссоздал институт церковного суда, прекратил преследование своего старого знакомого и иподиакона Георгия Кочеткова. Репутацию «экумениста» и «филокатолика» Кирилл подтвердил знаменитой встречей с папой Римским Франциском в 2016 году.

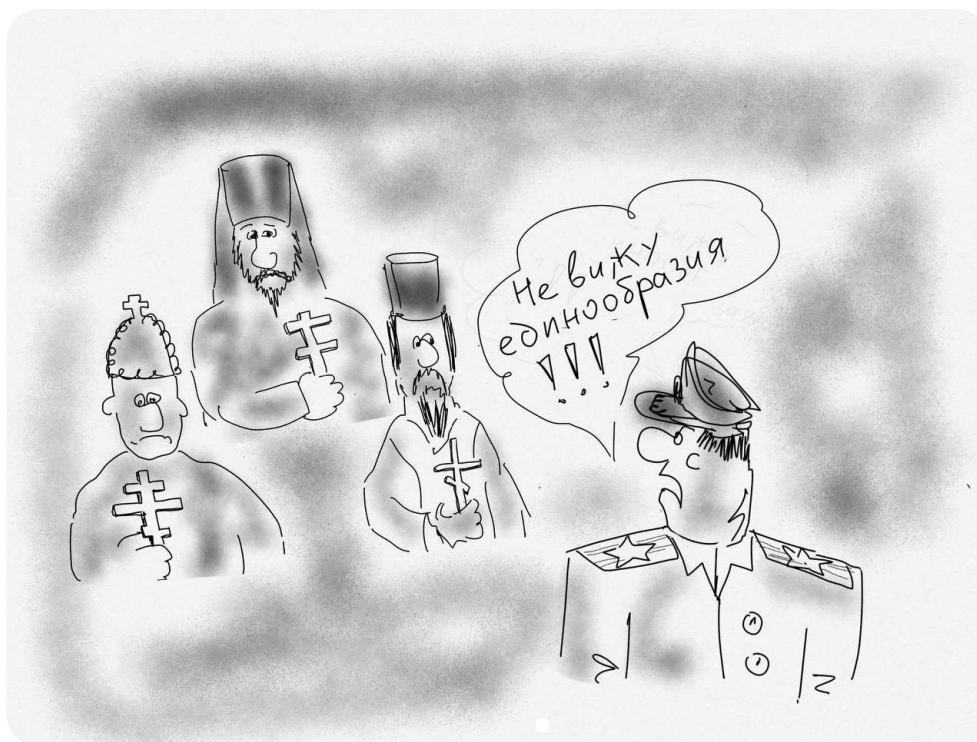
В то же время словесный дискурс патриарха отчетливо склонился вправо, в сторону православно-патриотическую. Ведущую роль в команде патриарха занял консервативный политолог Александр Щипков, в результате речи патриарха стали включать все больше националистических и просоветских лозунгов. В оформлении разрыва с Константинопольским патриархатом заметную роль также сыграли «консерваторы» — московский священник Андрей Новиков, публицисты Аркадий Малер и Сергей Худиев. В каком-то смысле патриарх Кирилл повторил здесь опыт своего учителя и наставника, митрополита Никодима (Ротова), который,

будучи экуменистом и филокатоликом, по политическим соображениям привлек к написанию собственных речей идеолога младороссов (то есть русского неофашиста) Александра Казем-бека.

Кризис патриархийной идеологии, ставший явным в середине 2010-х годов, усилился нараставшим дистанцированием российского государства от РПЦ. Поздний путинский режим фактически отказался от услуг патриархии в «патриотическом воспитании» нации, оставив Церкви лишь роль «хранителя веры и обычаев предков» и «церемониальной приправы» к президентской власти. Роль церковных институтов в образовании — в частности, в написании учебников по основам духовно-нравственной культуры, — была сведена практически к нулю.

На этом фоне явно возросло влияние неформальных церковных лидеров, в первую очередь митрополита Тихона (Шевкунова). Митрополит Тихон в гораздо большей степени соответствует трендам и церковной, и общественной жизни. Курс на реабилитацию всего советского он проводит куда более убедительно (возможно, потому что, в отличие от патриарха Кирилла, члена семьи репрессированных и сполна испытавшего тяготы советской жизни, Тихон пришел в Церковь в «безопасные» позднесоветские годы и никогда всерьез не страдал за то, что он верит в Бога?). «Изоляционистскую» линию во внешней и межцерковной политике Тихон также поддерживает более внятно, нежели экуменист, международник и давний друг православных греков Кирилл.

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

Вытеснение Церкви из сферы реальной политики, как и общемировой тренд на превращение религии в часть массовой культуры, приводит к тому, что на первый план в российском обществе выходят не православные политики и не церковные иерархи, но артисты, писатели, художники от православия. В результате самые известные в стране представители РПЦ на сегодняшний день — это писатель и режиссер митрополит Тихон (Шевкунов), писатель и композитор митрополит Иларион (Алфеев), певец иеромонах Фотий, священник в запрете и артист Иван Охлобыстин (его «Доктрина 77», основанная на творчестве митрополита Иоанна (Снычева), хотя и соответствует традиционной православно-патриотической риторике, но по сути является именно шоу, а не политической программой).

Принадлежность того или иного представителя Церкви к «либеральному» или «патриотическому» лагерю на этом фоне перестает быть сколь-нибудь явной. Фактически традиционные идейные течения русского православия на наших глазах исчезают, становясь частью единой постмодернистской медиакультуры.